

Миллион долларов для Марка

Часть первая

РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

В кочегарке

— Захарыч! Спрячь меня, Захарыч! Уроют падлы! Скорей!

Пронзительный крик Гришки Гулько, невысокого парня с плечами — не обхватишь — и кулаками с добрый кочан капусты, на миг заглушил шум огня в пылающей печи.

Первую из комнат кочегарки наполовину занимала пузатая печь, сложенная из прокопчённого до черноты кирпича, куда Марк время от времени лопатой швырял заранее приготовленный уголь, помешивая его тяжеленной двухметровой кочергой. В углу понурился запылённый умывальник с носиком и алюминиевым ведром под ним.

В перерывах можно было подремать на ободранном кожаном топчане в другой комнатке, отгороженной от первой старой, но ещё крепкой дубовой дверью.

— Что случилось?! Кто тебя уроет? — обернувшись к Гришке, спросил Марк, стряхнув капли пота, заливавшие лоб.

— Копылёв со «строгачами». Я его... прибил на крыльце... шас тут будут...

Марк коротко кивнул, указав глазами на комнату отдыха, и Гришка моментально исчез за дубовой дверью, с лязгом засадив в чугунную скобу железный засов.

Через несколько минут Вадим Копылёв, бывший боксёр, залетевший в общагу из зоны строгого режима, вбежал в кочегарку. Его лицо и куртка были в крови. За Копылёвым спешили двое его корешей.

Зажатый в правой руке охотничий нож, с которым Копылёв никогда не расставался, не оставлял сомнений в намерении его владельца.

— Где он? Захарыч, где эта гнида? — орал Копылёв, размазывая кровь по лицу. — Он меня... В мой день рождения — ты догоняешь, Захарыч?! Да на меня за пять лет в зоне ни один урод косо не глянул. А он... Я буду казнить его лютой смертью! Где он? — И тут его взгляд упёрся в дверь комнатки, где прятался Гулько. — А вот он где, сукара, за мной, пацаны!

Он оглянулся на корешей, но броситься вперёд не успел.

Конец раскалённой кочерги, описав алую дугу, пыхнул жаром в лицо Копылёва, опалив кожу и заставив отпрянуть назад. Из его носа хлынула кровь.

— Стоять! Никто туда не пройдёт, — жестко выговаривая каждое слово, произнёс Марк. — А даже если и прорвётся, то дубовую дверь не выбьет. Там железный засов изнутри. Ты, Вадик, рвёшься опять за колючку? Давно из зоны? А я не хочу, чтобы вы замочили Гулько и снова туда вернулись. Я слово себе дал: пока я здесь, ни один «химик» обратно на зону не поедет! А вы, — повысил голос Марк, обращаясь к свите Копылёва, — мухой его в больницу! Наверняка сломана кость — носовая перегородка.

Первый запал был сбит. Энергия, вспыхнувшая было вместе с жадной мести, вытекала вместе с кровью из разбитого носа. Копылёв вдруг развернулся и, подбежав к умывальнику, прибитому к стене, стал горстями плескать в лицо холодную воду, постанывая от боли.

И тут в кочегарку с пистолетами в руках один за другим влетели двое дежурных милиционеров из общежития.

— Стоять! Не двигаться! Кто дёрнется, стрелью на поражение! — поочерёдно направляя ствол на каждого из нападавших, истошно орал долговязый усатый мент, которого ээки прозвали дядей Стёпой.

— Нож на пол! На пол... я сказал! — вторил ему коллега, размахивающий пистолетом так, что казалось, он сейчас перестреляет всех, включая Марка.

Все замерли, кто где стоял. Отобрав у Вадима клинок, менты увели «строгачей» в дежурку, вызвать скорую помощь.

Чуть-чуть уняв всё ещё скачущее галопом сердце, Марк постучал беглецу:

— Гриня, вылезай!

— Они что, уже смотались? Чисто у тебя? — сквозь дверь раздался хриплый, приглушённый страхом голос Гришки.

— Чисто. Ты что, мне не веришь?

— Верю, Захарыч. Верю, родненький, — зачастил Гулько, выбираясь из своего убежища.

— Ну, рассказывай, что там у вас случилось? И как это ты нашего Тайсона в глухой нокаут отправил? — сгорая от любопытства, набросился с вопросами Марк.

Из сбивчивого рассказа Гришки складывалась такая картина.

Время приближалось к десяти часам вечера, и «химики» один за другим сползались из города в общежитие, где их на крыльце уже поджидали Вадим Копылёв и два его товарища. Все трое с алыми повязками охраны порядка проверяли прибывающих, не несёт ли от тех алкогolem. Всё было бы ничего, да только в тот вечер Копылёв сам неплохо заправился, отмечая свой день рождения прямо в общаге. И настроение у него было самое боевое.

Увидев у поднимавшегося по ступеням Гришки Гулько оттопыривавшуюся спереди куртку и решив, что там бутылка, Копылёв протянул руку и рванул куртку на себя.

Послышался треск отлетающих пуговиц, куртка распахнулась. В ней оказался крошечный пушистый котёнок, которого Гришка подобрал на улице и хотел отнести в кочегарку, чтобы согреть и накормить.

Схватив котёнка, Копылёв размахнулся и с силой, как тряпку, швырнул его в снег подальше от общаги. И в тот же миг пушечным ядром кулак Гришки смял в лепёшку копылёвский нос.

Парализованный острейшей болью, Вадим шмякнулся на спину и сполз по скользким ступенькам вниз с крыльца на землю. Пока он поднимался и приходил в себя, Гришка успел нырнуть в кочегарку, единственное место, где была надежда на спасение. И не ошибся.

— Вот и вся история, — закончил Гулько.

В ту же ночь Копылёва прооперировали. Вовремя.

А Гришку перебросили в другую область. В любом случае Вадим бы этого так ему не оставил. Отомстил бы рано или поздно.

Хмурый ноябрь сметал последние ошмётки рыжих листьев с озябших улиц.

Ещё пронзительнее задувал ветер в чистом поле вокруг сооружаемых подневольными «химиками» египетских пирамид — новых гигантских коровников.

«Да, подфартило мне, — думал Марк, покачиваясь на следующее утро в заиндевавшем автобусе на пути домой. — Вовремя комендант сменил мне должность — махать лопатой не среди поля, а в кочегарке общаги... Ох как вовремя...»

Перед глазами промелькнули события вчерашнего вечера: перепуганный до смерти Гришка Гулько, окровавленный Копылёв с распухшим носом и клинком в руке, раскалённая кочерга, опалившая лицо боксёра, крики ментов с пистолетами, готовыми к стрельбе.

«Вот тебе и долгожданная моя “химия”, — подумал Марк, — покруче зоны будет». — И под мелькание за окном знакомых домиков родного города набежали воспоминания о первом знакомстве с «химией», загадочной и такой желанной для каждого сидельца в зоне, мечтающего вырваться на свободу. Хоть и ограниченную, но всё-таки свободу! Мечтающего освободиться условно-досрочно.

«ХИМИЯ»

«Наконец-то дома! Неужели я дома?! Или это мне снится?!» — Нажав на кнопку звонка, Марк смотрел на всё ту же потускневшую алюю краску дешёвой входной двери в квартиру родителей и просто не мог поверить.

— Марик, господи! Слава богу! Родненький мой! — Объятия и слёзы мамы. — Как же ты похудел! Проходи... мой руки и давай сразу за стол! — Они не виделись менее двух лет, а ему казалось, целую вечность.

Он смотрел на отца и маму, чьи взгляды укутывали его теплом, как пуховым одеялом. На жёлтых оленей, прильнувших к воде на алом плюшевом коврикe над кроватью. На моложавые лица бабушек и дедушек, глядевшие на него с чёрно-белых семейных фотографий. На старенький зелёный диван, устланный пледом бесчисленных романтических грёз его юности. На старых и добрых друзей — любимые книжки, скучавшие без него на деревянной этажерке.

Он вдыхал родные запахи дома и никак не мог насыщаться. Запахами шкворчащих на сковородке маминых котлеток с чёрной хрустящей корочкой и тающей во рту мякотью. Румяного и пышнобокого медовика с корицей. Медового узвара из сушёных груш.

Говорил и не мог остановиться, чувствуя, как легчает на душе, освобождающейся от всего того, что мучило её все эти два последних года.

Юра Свирский, с первого и до десятого класса пропа-
давший в доме у Марка и не забывавший, особенно в по-
следние годы, его родителей, даже не сняв формы капита-
на милиции, с удовольствием делил с другом и вкусный
обед, и радость его возвращения домой.

Наблюдая, как хромает отец, Марк спросил:

— Па, а что у тебя с ногой?

Отец помолчал. Ему явно не хотелось трогать эту тему,
но, зная, что сын не отстанет, неохотно заговорил:

— Да... тут, ребята, такая история... ещё в февра-
ле было. Снег лежал. Представляете, иду белым днём
по улице Ленина, по центру города. Народу немного.
А улицу не почистили, только узкая дорожка по тротуа-
ру. Иду по ней, а навстречу — мужик лет сорока. Одет
так прилично, в дублёнке. И, чтобы разминуться, од-
ному из нас с тропинки сойти нужно. Я и сошёл. А он
вдруг, поравнявшись со мной, скривился так гаденько
и изо всей силы как саданёт меня своим сапогом под
колени! Я упал. А он плюнул и так с издёвкой: «Ну что,
маланец, больно?» — и пошёл себе как ни в чем не бы-
вало...

У Марка перехватило дыхание. В один миг он сам
оказался лежащим на снегу с ногой, охваченной жгучей
болью: «Отца, моего отца, которого знает и любит весь
город?!»

— Папа, даже в моих треклятых джунглях — ни в тюрь-
ме, ни в зоне — никто меня и словом не оскорбил, не то
чтобы ударить. А тут... на воле... За что? Па, ты его запо-
нил? Какой он?

— Да, дядя Захар, вы хоть что-то запомнили? — торо-
пливо перебил Марка Юра. — Только скажите, и мы его
быстренько упакуем! Всю жизнь на лекарства работать бу-
дет! Уж я постараюсь. Зуб даю!

— И за что ты его, Юра, арестуешь? Как я докажу, что
это был он? — с сомнением спросил Захар Натанович.

— За что? А это уже моя проблема. Найдём за что. Хоть наркоту, хоть патроны в карман засунем. У нас это — на раз, гадёнышу такому!

— Нет, ребята, не запомнил. Дублёнку только помню и чёрные усы. Слишком неожиданно и быстро всё случилось. Да плюньте вы! Забудьте. Мало ли ещё идиотов по всему свету?! Всех, Юра, не упакуешь. И мозги всем не переставишь. Ничего. Болит уже намного меньше. И рана заживает...

Радость возвращения была омрачена. Но отец быстро переключил разговор на другую тему, достав из шкафа старую гитару Марка.

Приятным тембром отозвались дождавшиеся его струны, и Марк с Юрой погрузились в воспоминания юности — песни, на которых и росла вся их школьная команда дубенчан-романтиков:

Обгорев на кострах эмоций,
Мы по миру идём упрямо —
Симпатичнейшие уродцы
С перекошенными мозгами.
Уколовшись о наши щёки,
Об улыбки, скользнувшие криво,
Убегают от нас девчонки
К обаятельным и красивым.
На прощанье мы их не просим
Приласкать, обогреть уродцев.
Нас легко оторвать и бросить,
Но забыть нас не удаётся...

После Павла Когана перешли к Высоцкому и старым песням Марка, написанным в школе и после. Пели, а перед глазами проплывали сценки из такой теперь уже далёкой и сказочной жизни: школьные и городские игры КВН, голубые огоньки, туристические слёты и «Зарница».

Три часа пролетели как одна минута. Пора было становиться на учёт в комендатуру на окраине города, где Марку теперь предстояло жить и вкалывать в худшем случае ещё сорок месяцев.

— Сорок месяцев?! Ничего себе! — сочувственно пожимал ему на прощание руку Юра. — Нет уж, постарайся как-нибудь уйти по УДО с половины срока. А уж я, чем смогу, помогу. Не последний человек в управлении...

Начальником комендатуры служил бравый капитан Тропкин — высокий полный мужчина лет тридцати пяти с короткой, почти армейской стрижкой русых волос и всегда суровым взглядом больших светло-серых глаз. Ни одна живая душа не могла похвастаться, что хоть когда-нибудь видела улыбку на его лице.

Капитан заочно оканчивал юридический и, познакомившись с Марком, тут же «любезно» предложил написать за него курсовую работу.

— Не откажешь?! — вопрос прозвучал как угроза, как вызов.

«Тебе откажешь, — подумал Марк. — А через месяц обратно в зону? Ну уж нет!»

— Сделаем, товарищ капитан! Только... со временем как?

— Захочешь сделать, найдёшь время, — в том же тоне отрезал Тропкин. — Не захочешь, найдёшь причину. Ну, так что искать будем, Рубин? Что молчишь?

— Время.

— Правильное решение. Да смотри не подведи там. Трояк меня не устраивает!

Получив «добро» и не спрашивая согласия, комендант в порядке поощрения тут же повесил на Марка погоны старшего «химика», назначив его председателем совета общешития.

Совет состоял из пяти человек и решал все внутренние проблемы, а иногда и судьбу условно освобождённых.

Основная задача — разбор нарушений дисциплины: пьянок, драк, невыхода на работу, самовольных отлучек. А также вынесение наказаний вплоть до возврата обратно в зону.

И хоть влезать в это болото Марку совсем не улыбалось, спорить было бесполезно. «Тропкин тут царь и бог. И только от него зависит: пойду я на УДО или обратно в зону», — с огорчением думал он.

Когда в начале шестидесятых годов Хрущёв взял курс на химизацию страны, в законодательство внесли изменение, позволяющее освобождать преступивших закон условно-досрочно и отправлять их на стройки народного хозяйства. И поскольку строили тогда в основном химические заводы, условно освобождённые и получили название «химики». Вот к ним-то теперь и был приписан Марк.

В новой пятиэтажке из белого кирпича, с зелёными газонами вокруг и вылизанными коридорами внутри, довольно комфортно кантовались, привыкая к воле, около четырёхсот бывших эков разных режимов: общего, усиленного и строгого.

«Химия». Как будто уже и не зона, но насколько же здесь всё пропитано её духом, — морщась, подмечал Марк, знакомясь с новым мужским сообществом, в котором ему предстояло жить ещё ой как долго. — Мат, феня, блатные жесты — как же это всё надоело. Никак людьми становиться не желают».

К его удивлению, химическим производством здесь и не пахло. Строили грандиозный по тем временам комплекс коровников в двадцати километрах от города, куда каждое утро рабочих возили автобусами. Работа — с восьми утра и до пяти вечера с часовым перерывом на обед. Пахали как на обычной стройке и получали за это как обычные строители. Возвращались в общежитие к шести часам и до десяти вечера могли тратить время как угодно и где угодно.

Конечно, Марка тянуло домой, к родителям. В один из таких вечеров отец обрадовал — одноклассник Марка Коля Гарин вернулся в Дубны командовать филиалом НИИ на одном из заводов города. Ещё один дружбан из их школьной команды.

Коля вскоре получил «трёшку», в которой они с Марком коротали вечера и выходные, и благодаря этому запах свободы стал для Марка ещё более осязаемым.

Однажды, получив отгул, Марк решил зайти в суд, поблагодарить бывшего однокурсника Сашу Хорошенко за своё освобождение из зоны.

Шёл и переживал, чувствуя в животе лёд, как у набедокурившего школьника. «И как меня встретит Саша? Ведь он теперь такой туз — не чета мне, председатель районного суда!» — По инерции Марк все еще числил себя в нижней касте общества — хоть и бывших, но эзков.

Время выбрал поближе к концу рабочего дня, рассчитывая, что людей в суде будет поменьше и их встреча пройдет незаметно. Вот и скромное свежепобеленное одноэтажное здание суда. Войдя внутрь, Марк быстро прошёл прямо к кабинету председателя и, постучавшись, аккуратно открыл дверь.

Кабинет был пуст, но на стуле висел серый пиджак, принадлежавший, очевидно, Саше. «Может, в канцелярии?» — подумал Марк и решил подождать в коридоре.

Дверь канцелярии отворилась, и из неё вышел Саша, улыбающийся и продолжавший что-то говорить, заметно располневший за то время, пока они не виделись.

Он был в рубашке без галстука и шёл в сопровождении трёх женщин — судьи и двух секретарей. Все женщины знали Марка, как и он их.

В тот же миг смущение стиснуло его сердце. «Чёрт! Как быть, как здороваться? За руку или просто словами?» — Марку казалось, что все смотрят на него как на инопланетянина, заблудившегося и случайно оказавшегося на

Земле. «Попал! И зачем попёрся? Ещё и Сашу подставляю», — мелькнула мысль.

Но тут добродушное лицо Хорошенко, узнавшего в коротко стриженном и возмужавшем Марке своего земляка и однокурсника, казалось, стало еще шире. Его растянула такая искренняя улыбка, словно он родному брату обрадовался. Брату, с которым не виделся много лет.

— Ма-а-рик! — заорал он на весь коридор и, раскинув руки, бросился к тому.

Горячая волна радости захлестнула Марка. И в этот миг он понял, что его принадлежность к низшей касте слетела вместе с тюремной робой и что в глазах Саши он всё тот же земляк и приятель, с которым в славные студенческие годы ох сколько пива выпито и сколько воблы съедено. «Не-ет, — ликовала душа, — неистребимо добро на свете! Неистребимо, как и сама дружба!»

Женщины тоже приветствовали Марка, их улыбки были не менее искренни.

Уже через три дня он позвонил в Николаев Лере, обрадовав её согласием на развод и предупредив, что по возможности приедет забрать вещи и книги.

Разговор занял не более трёх минут. Боль от нанесённого ею удара хоть и не прошла, но притупилась. Слишком много новых эмоций и впечатлений хлынули на свободу. Осталась лишь незаживающая рана из-за разлуки с сыном и тонкая цепочка воспоминаний о приятных моментах, проведённых с женой как будто в близком, а на самом деле уже в таком далёком прошлом.

Стройка, на которую попал Марк, только начиналась. В чистом поле, окружённом хвойным лесом с высоченными соснами и изящными ёлочками, то там, то тут врытую рылись котлованы будущих фундаментов.

Воздух вокруг был просто парным: пей — не напьёшься.